

Научная статья

УДК 911.37 + 930.85

doi: 10.17223/19988613/77/6

К проблеме объективных предпосылок сибирского сепаратизма

Петр Леонидович Попов¹, Алексей Анатольевич Черенев²

^{1, 2} *Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск, Россия*

¹ *plp@irigs.irk.ru*

² *tcherenev@irigs.irk.ru*

Аннотация. Дается обзор основных звеньев в истории сибирского сепаратизма. Делается обобщение, что отделившаяся часть страны всегда обособлена этническим составом большей части населения или (и) пространственным разрывом. Сибирь как макрорегион не обособлена от остальной России в этих отношениях, и ее отделение представляется крайне маловероятным. В Сибири имеется фактор обособления, подобный пространственному разрыву, – значительная удаленность от социально-экономического и политического ядра страны.

Ключевые слова: сепаратизм, Сибирь, макрорегион, этнический состав, территориальный разрыв

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта АААА-А21-121012190018-2 и АААА-А21-121012190056-4.

Для цитирования: Попов П.Л., Черенев А.А. К проблеме объективных предпосылок сибирского сепаратизма // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 51–59. doi: 10.17223/19988613/77/6

Original article

To the problem of objective preconditions of siberian separatism

Petr L. Popov¹, Aleksei A. Cherenev²

^{1, 2} *V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation*

¹ *plp@irigs.irk.ru*

² *tcherenev@irigs.irk.ru*

Abstract. The article provides an overview of the main links in the history of Siberian separatism, as well as its vitality and the limitations of real political results. The main cases of irreversible disintegration of states in the last 300–400 years are considered, and a generalization is made that the separating part of a country is always isolated by the ethnic composition of the majority of the population, or / and by a spatial gap. The historical background of the collapse of the country is often caused by its foreign policy defeat, but this condition is not necessary (the collapse of European colonial empires). In the 1990s, the ideas to reduce the importance of the state as a social institution, as well as the transfer of part of its functions to the intra-state and regional level were popular. Regionalism and separatism are not the same thing, but regionalist sentiments (at the level of the macro-region) may favor separatist sentiments. Siberia being a macro-region, is not isolated from the rest of Russia in this relationship, and its separation seems extremely unlikely. The concept of “subethnos” is considered, and it is noted that in some cases the differences between subethnos of one ethnos are minimal, in some cases they are relatively large, up to approaching the level of interethnic differences (and then they can turn into a significant factor of macro-regional isolation). Differences in the Russian population of the macroregions of Russia are among the weakest differences in the sub-ethnic series. Siberia is not the most separate macro-region of Russia, either in the sub-ethnic or in the physical-geographical sense. In Siberia there is a separation factor, to some extent similar to a spatial gap – a considerable distance from the socio-economic and political core of the country. Another factor contributing to the existence of Siberian separatism is the socioeconomic lag of most of Eastern Siberia from other macro-regions of the country. Apart from the influence of socio-economic difficulties on the protest potential there is a territorial-organizational aspect. In Russia two developed areas (Western and Far Eastern) might be formed and separated by the lagging regions located in Eastern Siberia and the continental part of the Far East. Such a territorial structure of distribution of development levels, in addition to other obvious shortcomings, can contribute to the isolation (up to the intensification of separatist tendencies) of the marine part of the Far East, taking into account its involvement in economic relations with powerful neighboring states.

Keywords: separatism, Siberia, macro-region, ethnic composition, territorial gap

Acknowledgments: The study was carried out at the expense of the state order no. АААА-А21-121012190018-2 and АААА-А21-121012190056-4.

For citation: Popov, P.L., Cherenev, A.A. (2022) To the problem of objective preconditions of siberian separatism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 51–59. doi: 10.17223/19988613/77/6

Введение

Случаи разделения государства на суверенные образования, или отчуждение территорий в пользу другого государства, в мировой истории не являются редкостью. Как правило, такие разделения происходят в обстановке острого конфликта между сторонниками сепаратизма и силами, стремящимися сохранить государственное единство. Даже если сепаратизм не является настолько влиятельным, чтобы добиться основной цели – отделения соответствующей части страны, он может превратиться в достаточно серьезную силу, с которой другим политическим акторам приходится считаться. Россия и в своем современном состоянии, и в прежних состояниях (Советский Союз, Российская империя) сталкивалась с проблемами этнического сепаратизма. Тенденции макрорегионального сепаратизма, вызываемого не этническими, а какими-то иными факторами, в России в перечисленные эпохи (времена феодальной раздробленности – особая тема) были слабы, но и они заслуживают анализа. Наиболее влиятельное направление данного типа сложилось именно в Сибири.

Круг концепций и политических акций, связанных с идеей обособления Сибири от остальной России, вплоть до отделения, имеет достаточно большую историю [1–4]. Относительная историческая устойчивость и вместе с тем отсутствие массовой поддержки сибирского сепаратизма делают правомерным вопрос о характере его объективных предпосылок. Этот вопрос и рассматривается в предлагаемой статье.

Сибирское областничество, его социально-психологические и теоретические установки

Одним из первых прецедентов сибирского сепаратизма историки считают намерения первого губернатора Сибири М.П. Гагарина отделить Сибирь от России и создать самостоятельное королевство в 1711–1719 гг. М.О. Акишин в своей работе приводит цитату из книги П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» (М., 1838): «Гагарин злоумышлял отделиться от России, потому что верно им водворены в Тобольске вызванные оружейники, и началось делание пороха». Также М.О. Акишин ссылается на известного русского историка-генеалога князя П.В. Долгорукого, который в своих «Записках» писал, что истинной причиной опалы и казни М.П. Гагарина был замышляемый им мятеж [5. С. 47].

Первым проявлением теоретического обоснования сибирского сепаратизма является сибирское областничество. Основателями данного общественного движения принято считать Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, С.С. Шашкова и др. [6. С. 6, 7].

Базовые положения сибирских областников были довольно непоследовательными: восприятие Сибири как колонии и выделение «сибирского этноса» сочетались с отрицанием перспективы государственного обособления Сибири. А.В. Малинов в своей работе подчеркивает тезис одного из основателей концепции областничества А.П. Шапова, что областничество есть не что иное как «местный патриотизм». По мнению Е.П. Коваляшкиной,

сибирское областничество отличалось от украинского в базовом подходе к этническому составу населения. Украинские философы проповедовали идеи национализма, а сибирские областники говорили о поддержке и развитии сибирских инородцев как части «сибирского этнического типа» [8. С. 228]. В основе учения сибирского областничества лежит направление социально-экономического и культурного развития региона. Г.Н. Потанин определил областничество как «идеологию культурного самоопределения для русских жителей Сибири и инородцев» и признавал в своей работе лишь «культурный сепаратизм», а стремление Сибири к автономии связывал с территориальными особенностями региона, а не с национальной идеей как таковой [9]. Но, безусловно, уклон к идее этнического отличия сибиряков от русских европейской части в сибирском областничестве был, что означало серьезную сепаратистскую тенденцию.

Несомненно, сибирское областничество имело ряд предпосылок, неспецифичных для него, действовавших и в отношении ряда других политических движений того времени. Назревал кризис (или, скорее, катастрофа) самодержавия и Российской империи. Назревал и кризис всей системы европейских империй. В такой обстановке росло разочарование в прежних идеалах, мировоззренческих установках и усиливалось стремление к поиску новых путей [10. С. 58–60], в том числе путей, ведущих от империи. В этом отношении возникновение и дальнейшее развитие сибирского областничества – явление, родственное усилению национального сепаратизма в предреволюционное и революционное время. В некоторых аспектах его можно рассматривать в одном ряду с революционными движениями либерально-демократического толка, с учетом западнической идейной ориентации основателей областничества.

Отметим и такой мотив у Потанина: возможность в будущем переноса столицы России в Сибирь. Здесь сибирское самосознание также утверждается, но расходится с сепаратистскими устремлениями. Развитием идей и тенденций сибирского областничества и их реализацией стало создание Сибирской Республики.

Сибирская Республика

В декабре 1917 г. в целях провозглашения независимости Сибири областники провели чрезвычайный съезд в г. Томске, на котором приняли решение о создании исполнительного (Сибирский Областной Совет) и законодательного (Сибирская Областная Дума) органов власти. Сибирская Областная Дума приняла на себя верховную власть в Сибири. Произошло временное сепаратистское отторжение Сибири от России. В январе 1918 г. Сибирская Областная Дума избрала Временное сибирское правительство, которое 4 июля 1918 г. приняло «Декларацию о государственной самостоятельности Сибири» [11. С. 24; 12. С. 133; 13. С. 209; 14].

Управляющий делами Верховного Правителя и Совета министров Российского правительства Г.К. Гинс в своей работе написал, что «в 1918 году существовала четыре месяца самостоятельная Сибирская Республика». Здесь же он указывает на отсутствие сепаратизма

в декларации 4 июля: «Российской государственности как таковой не существует, ибо значительная часть территории России находится в фактическом обладании центральных держав, а другая захвачена узурпаторами народоправства... Правительство не считает Сибирь навсегда оторвавшейся от тех территорий, которые в совокупности составляли Державу Российскую, и что все его усилия должны быть направлены к воссозданию Российской государственности» [15. С. 121].

Ситуация в современной (постсоветской) России

Обстановка 90-х гг. XX в. благоприятствовала обособленческим тенденциям в Сибири. 1990-м годам вообще был свойствен децентрализационный настрой в вопросах реформ экономики и государственного управления. Отчасти он был обусловлен стремлением преодолеть чрезмерную централизацию советского периода.

В 1990 г. была создана межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение», в состав которой вошли 14 сибирских регионов. В 1993 г. председатели Новосибирского (В.П. Муха) и Кемеровского (А.Г. Тулеев) областных советов на совещании ассоциации поставили вопрос о создании Сибирской республики. Можно ли это считать сепаратизмом? Наверное, нет. Необходимо учесть, что деление любого государства на суверенные части неразрывно связано с территориальными и демографическими потерями. В условиях распада СССР глава Верховного совета РСФСР Б.Н. Ельцин, выступая в Казани, произнес: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить. Но вы находитесь в центре России – и об этом нужно подумать», – что послужило началом «парада суверенитетов» национальных республик и этнических автономных образований. В данных условиях края и области оставались без привилегий в экономической, социальной и политической сферах. Статус республики позволил бы их получить. Многие известные зарубежные геополитики (З. Бжезинский и др.) говорят о наличии стратегических интересов у Японии и Китая к Восточной части России в качестве территории своего доминирования [16]. Активизировались и идеи аннексии Сибири в США (сепаратизм и аннексия, как показывает история, – часто сочетающиеся явления).

Проекты реформы административно-территориального устройства в России в 1990-е гг. имели общую направленность на деление страны на крупные административно-территориальные единицы, соответствующие макрорегионам России.

Таким образом, можно отметить всплеск регионалистских тенденций в России в 1990-е гг. (не только в Сибири), иногда переходящих в сепаратизм. В 2000–2018 гг. появилась тенденция новой централизации управления государством, в том числе в региональной политике. При этом вполне очевидно, что регионалистские, децентрализационные установки 1990-х гг. (в некоторых случаях способные приводить к сепаратизму) по-прежнему имеют сторонников, тем более что проблемы оптимального разделения полномочий между федеральным центром и региональными властями остались во многом нерешенными.

Чтобы оценить объективные предпосылки сибирского сепаратизма, можно рассмотреть наиболее значимые случаи распада государств, произошедшие в относительно недавнее, или по крайней мере не в очень далекое, со слишком отличающимися историческими обстоятельствами, время. Следует проанализировать, насколько объективные условия современной России схожи с условиями, имевшими место в этих странах накануне их распада, и похожа ли Сибирь в соответствующих отношениях на отделившиеся от них части.

Наиболее значимые случаи распада государств с XVI в. до нашего времени: имеется ли сходство с современной Россией?

Приведем перечень распавшихся стран и обстоятельства их распада.

Германия (Священная Римская империя германской нации) распалась на княжества в первой половине XVII в. Исторический фон – Реформация, межрелигиозная война, вторжения иностранных армий. Колониальные империи (Британская, Испанская, Нидерландская и др.) распались в XIX–XX вв. в результате отделения заморских стран, создаваемых или восстанавливаемых завоеванным неевропейским населением, и стран, создаваемых мигрантами из метрополии на заморских территориях. Исторический фон: в некоторых случаях имело место стремление создать в государстве, возникающем в результате отделения, несколько иную социально-экономическую систему, чем существовавшая в империи или в ее колониальной части.

Австро-Венгерская империя распалась в начале XX в. в результате отделения завоеванных соседних стран. Исторический фон – поражение Австро-Венгрии в Первой мировой войне. Речь Посполита потеряла в XVII в. Украину в результате сочетания сепаратистского движения на Украине с военными действиями со стороны России. Османская империя распалась XIX–XX вв. в результате отделения завоеванных стран, в основном территориально близких. Исторический фон – поражение Османской империи в войнах с Россией XVIII–XIX вв., затем поражение в Первой мировой войне.

Югославия распалась в 90-х гг. XX в. в результате отделения республик и этнических анклавов, в обстановке поддержки сепаратизма со стороны США, Великобритании и Германии, возможно, и ряда других стран. Чехословакия распалась в 90-е гг. XX в. в результате разделения на два государства. Советский Союз распался в результате отделения бывших союзных республик. Исторический фон – поражение Советского Союза в холодной войне, поддержка дезинтеграционных процессов со стороны других геополитических акторов. После распада Советского Союза произошло отделение частей некоторых республик (Азербайджана, Молдовы, Грузии, Украины). С тяжелыми проблемами столкнулась и Россия (две чеченские войны).

Обозревая факты распада государств, можно обратить внимание на следующие обстоятельства. Самый очевидный способ разделения государства: отделяется сильно отличающаяся в этническом, субэтническом смысле часть или часть, обособленная пространствен-

ным разрывом (эти обстоятельства могут сочетаться). Не всегда такие части отделяются, но отделяются именно такие части. То есть к распаду государства приводит нарушение сходства частей (сильные субэтнические или этнические различия) или их связи. Впрочем, оба эти фактора взаимосвязаны положительно: нарушение связи между частями этноса приводит к возникновению или усилению субэтнических различий. Но при этом субэтнические различия не всегда бывают настолько сильными, чтобы они сами по себе, без учета непосредственного влияния нарушения связи, вызвали распад государства.

В большинстве случаев при распаде страны этническое различие между разделяющимися частями имело место; случаи распада при существовании территориального разрыва, без этнического различия, сравнительно редки (Британская империя). Случаи распада при существовании субэтнического различия, но при отсутствии территориального разрыва, еще реже (Германия XVII в.).

Мы не рассматриваем вопрос, почему (в силу каких причинно-следственных отношений) именно этнические различия и пространственные разрывы являются особо значимыми факторами распада государств, но отмечаем, что без одного из этих условий или их сочетания распада государства обычно не происходит.

Не затрагиваем мы и сложную проблематику экономических противоречий между частями одного государства, в том числе таких отношений, которые рассматриваются как эксплуатация колоний метрополиями. И здесь можно отметить: при отсутствии (или слабости) этнических различий и пространственных разрывов эти противоречия разрешаются как-то иначе, без разделения страны. Вообще значимость экономических факторов в этом круге вопросов не следует абсолютизировать. Советский Союз распался вопреки обилию и глубине экономических связей, их выгоды для большинства республик. Юг США в целом экономически менее развит, имеет менее высокий уровень жизни, чем Север, хотя богаче его минерально-сырьевыми ресурсами, в большой мере специализирован на добывающей промышленности. Здесь можно увидеть нечто эксплуатационное, колониальное. Но сепаратистских тенденций, по крайней мере достигающих основной цели – отделения, на Юге нет. Техасский сепаратизм существует, но пока не привел к созданию нового государства.

Страны, распавшиеся (или потерявшие части) по этническому принципу, не имевшие территориального разрыва, – Австро-Венгерская и Османская империи, Речь Посполита, Югославия, Чехословакия, Советский Союз, Украина, Грузия, Азербайджан, Молдова.

Распад морских колониальных империй происходил отчасти под влиянием этнических различий (отделение «небелых» колоний), отчасти под влиянием пространственного разрыва (отделение США от Великобритании, позднее и обособление Канады, Австралии, Новой Зеландии). Оба мотива сочетались при отделении стран Латинской Америки от Испании и Португалии. Здесь имели место и пространственный разрыв, и значительные субэтнические, переходящие по силе

в этнические (в ряде случаев, может быть, и суперэтнические), различия между испанцами и португальцами, с одной стороны, и народами, формировавшимися в Латинской Америке, – с другой. В Северной Америке не появилось многолюдных метисных групп, в Латинской Америке они возникли.

Особый случай – распад Германии в XVII в. Пространственных разрывов здесь не было, были субэтнические различия, они и сыграли основную роль, несмотря на то что количество образовавшихся княжеств-государств было больше количества существовавших в Германии субэтносов. Все же территориальные ядра распадающейся Германии, вокруг которых группировались противники во времена Реформации и Тридцатилетней войны, были, несомненно, субэтническими. Впрочем, распад Германии оказался временным. Единство англосаксонского мира как особого геополитического актора тоже было восстановлено (в особенности в ходе и в результате двух мировых войн), хотя и не путем образования единого государства, но через развитие исключительно тесных межгосударственных отношений.

Обратим внимание на то, что оба случая воссоздания единства имели место при наличии субэтнических, а не этнических различий между сближающимися государствами. Вообще реинтеграционные тенденции, появляющиеся по прошествии довольно длительного времени после распада страны, – не редкость, но чем глубже различия сближающихся стран, тем меньше результаты сближения.

Стоит отметить и некоторые другие обстоятельства, способствующие распаду страны. Часть страны, тяготеющая к сепаратизму, как правило, не только обособлена в указанных смыслах, но и довольно крупна, ощущает некую потенциальную самодостаточность. Историческим фоном распада страны нередко являются ее внешнеполитические поражения, но это условие не обязательно (распад европейских колониальных империй).

Сепаратизм в ареалах, занимаемых коренными этносами, сильнее сепаратизма в ареалах, сформировавшихся в результате относительно недавней миграции определенной этнической группы. Так, в странах Северной и Латинской Америки имеются территориальные различия в этническом составе в пределах одной страны, но они создают меньше проблем с сепаратизмом, чем монолитные ареалы коренных этносов в странах Старого Света (например, в Турции, Иране, Китае, Испании, Франции).

Похожа ли Россия на перечисленные распавшиеся страны по наличию предпосылок отделения отдельных регионов? В России нет частей, разделенных сколь-нибудь значительным морским разрывом. Одна часть – Калининградская область – отделена сухопутным разрывом. Разрыв этот, впрочем, невелик и, соответственно, в качестве предпосылки сепаратизма он слаб. В нашей стране существуют монолитные ареалы коренных (веками живущих на соответствующих территориях) этносов. История показывает, что предрасположенность к сепаратизму в такого типа образованиях имеется.

Но имеются ли в России мощные субэтнические ареалы? Может быть, именно Сибирь является таковым?

Сначала рассмотрим понятие «субэтнос». Общность, называемая субэтнотомом, вполне очевидно, индивидуализирована, т.е. относительно едина и обособлена от других субэтнотомов того же этноса в лингвистическом, генетическом, идеологическом отношениях. Эти различия между субэтнотомом качественно слабее аналогичных различий между этносами. В некоторых случаях различия между субэтнотомом одного этноса минимальны, в других случаях они относительно велики, вплоть до приближения к уровню межэтнических различий. Субэтнос территориально тяготеет к крупному (по масштабам соответствующей страны) региону (макрорегиону). Не всегда макрорегионы различаются по субэтнотомам (для выделения макрорегионов достаточно их индивидуализированности по природным условиям), но если субэтнос преобладает в достаточно большом монолитном ареале, такой ареал всегда воспринимается как макрорегион.

В России традиционно выделяют около 10 макрорегионов – экономических районов (уже то обстоятельство, что их число у разных авторов разное и границы одних и тех же макрорегионов проводятся несколько по-разному, говорит о нечеткости различий между ними). Можно ли считать, что русское население разных макрорегионов различается на субэтническом уровне? Если даже ответить на этот вопрос утвердительно, то нужно признать и то, что это самые слабые различия субэтнического ряда.

Русский этнос относительно (в сравнении с большинством других этносов) однороден в языковом отношении, более или менее однороден в религиозном отношении (во всех макрорегионах преобладает, хотя и в разной степени, одна традиционная религия), довольно однороден в генетическом отношении (в составе генофонда преобладают славянские элементы, при движении на север и восток от Центрально-Черноземного и Южного макрорегионов усиливается присутствие угро-финских элементов, но ни в одном макрорегионе они не преобладают). При этом Сибирь не является самым отличающимся макрорегионом России. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Сибирь в макрорегиональной структуре России: оценка объективных предпосылок сепаратизма

Территориальный объем Сибири определить достаточно сложно. В настоящее время единственное юридическое понятие, отражающее этот макрорегион, – это Сибирский федеральный округ (СФО). В СФО не включены некоторые территории, традиционно относимые к Сибири (Тюменская область); вместе с тем Западная и Восточная Сибирь, обычно различаемые как особые экономические районы в научной литературе советского периода, отнесены к этому округу. Исторически первым было, по-видимому, понятие Сибири как территорий к востоку от Волги, осваиваемых Русским государством. Соответствовала этому понятию Сибирская губерния XVIII в. Позднее можно

проследить тенденцию к уменьшению и дроблению территориального объема понятия «Сибирь». В XIX в. появились понятия «Западная Сибирь», «Восточная Сибирь», «Южная Сибирь». В XX в. части Западной Сибири стали рассматриваться как части других макрорегионов – Урала и Поволжья, часть Южной Сибири вошла в Казахстан, а большая часть Восточной Сибири стала называться Дальним Востоком. В настоящее время все чаще употребляется понятие «Байкальский регион», территориально включающее часть Восточной Сибири. В обсуждаемом проекте Минэкономразвития «Стратегия пространственного развития России до 2025 года» на территории, обычно относимой к Западной и Восточной Сибири, различаются Западно-Сибирский, Южно-Сибирский, Енисейский, Байкальский макрорегионы. Самый недавний шаг – перевод Республики Бурятия и Забайкальского края в Дальневосточный федеральный округ. (Не очень ясно, как это установление сочетается в указании Байкальского региона в проекте Минэкономразвития, поскольку этот регион оказывается разделенным между Сибирским и Дальневосточным федеральными округами.) Имеется, впрочем, и конкурирующая тенденция, в соответствии с которой Сибирь представляется как Азиатская часть России; работы, в которых проводится такое деление, немногочисленны. Неопределенность территориального объема Сибири говорит о недостаточной ясности тех социально-географических и физико-географических оснований, по которым ее границы проводятся.

Большая часть населения Сибири (в каком бы объеме ее ни понимать) – этнические русские. Можно ли сказать, что русские в Сибири имеют сильные субэтнические отличия от русских других макрорегионов России? Объективных оснований для такого утверждения нет. Русское население Сибири формировалось в результате миграций из разных макрорегионов Европейской части России и других стран, входивших в Российскую империю и Советский Союз. Некоторое влияние на него, особенно на старожильческую часть, связанную с миграциями XVII в. (в основном из северной России), оказало смешение с местными этносами, но в большинстве случаев это смешение было небольшим. В Сибири возникли лишь относительно немногочисленные метисные сообщества, в которых доли русского и местного компонентов близки (гураны в Забайкалье, сахалары в Якутии). Отметим большую разницу с Латинской Америкой.

В разных частях Сибири коренное население различается в этнокультурном смысле (например, ханты и манси в Западной Сибири, с одной стороны, и хакасы, тувинцы в Восточной Сибири – с другой, – это народы, у которых мало общего). Поэтому связи сибирских старожилов с местными народами усиливали культурные различия между региональными группами старожилов. (Соответственно, если подчеркивается значение этих связей как фактора обособления старожилов Сибири от русских других макрорегионов России, то должны подчеркиваться и различия между региональными группами старожилов Сибири.) Старожильческое население, вероятно, составляло больше половины

населения Сибири до столыпинских миграций начала XX в. Эти миграции и события советского времени привели к его смешению с мигрантами из Европейской части Российской империи.

В русском населении Сибири, сложившемся к нашему времени, чаще встречаются европейские (кроме собственно русских – украинские, белорусские, немецкие, польские) корни, чем местные этнические. Но, может быть, сравнительно сильным смешением с другими этносами русские Сибири и отличаются от русских других макрорегионов России? Едва ли есть основания для такого вывода. И в других макрорегионах, сформировавшихся в основном после быстрой экспансии России, начавшейся в конце XV в. (Урал, Северо-Восток Европейской части, Поволжье, Юг, Дальний Восток), а также в столицах русское население смешивалось с другими этносами, как местными, так и пришлыми. К сильному макрорегиональному, субэтническому различиям эти процессы не привели, потому что состав пришлого населения в разных макрорегионах был сходным и само это население в большей части было близко по происхождению к русскому, а преобладание повсеместно получали русский язык и культура. Сибирь, таким образом, не является в данном отношении исключением. Макрорегионы Европейской части России в ряде случаев сильнее различаются между собой и по диалектным особенностям русского языка, и по составу генофонда русского населения (главным образом по участию в нем угро-финских элементов), чем от русского населения Сибири. Дальний Восток (его наиболее населенная часть) отличается от остальной Сибири отсутствием старожильского пласта населения и многочисленностью потомков выходцев из Южной России и Украины.

Необходимо рассмотреть вопрос о правомерности применения к Сибири понятия «колония». Как известно, областники считали Сибирь колонией Европейской России [17. С. 163–197; 18. С. 136–140], что имело у них определенный сепаратистский уклон. Слово «колония», разумеется, можно употреблять в разных значениях. Этот термин имеет корни в античности. Н. Макиавелли писал, что древние «имели обыкновение посылать в земли завоеванные или пустующие новых жителей в поселения, именовавшиеся колониями. Благодаря этому не только возникали новые города, но победителю было легче владеть завоеванной страной, места пустынные заселялись и население государства гораздо правильнее распределялось по его землям» [19. С. 167]. Впоследствии произошел перенос значения термина с поселения в завоеванной стране на саму завоеванную страну. Преобладает в современной литературе такое значение: колонией называют неевропейскую страну, завоеванную европейской страной, или страну, сложившуюся на территории, завоеванной европейской страной вне Европы (например, Австралия, по отношению в Британской империи). Соответственно, термин «колония», как правило, не употребляется для обозначения европейской страны (территории), завоеванной неевропейской страной, и европейской страны, завоеванной другой европейской страной, или неевропейской страны, за-

воеванной неевропейской страной. В редких случаях европейскую страну, завоеванную также европейской страной, называют колонией (например, Бретань, Корсику по отношению к Франции, Шотландию и Ирландию по отношению к Англии), но, скорее, в полемическом смысле, со стремлением вызвать у адресата неприятные ассоциации со странами «третьего мира». Колонией не считают, например, Грецию и Египет по отношению к османской Турции, или Чехию по отношению к Австрии, хотя эксплуатация, очевидно, имела место во всех этих случаях.

Сибирь соответствует такому понятию колонии. И освоение Сибири русскими происходило примерно в то же самое время и во многом при одних обстоятельствах, что и освоение колоний западными европейцами. Но и в данном отношении Сибирь не является исключением среди макрорегионов России. Также неевропейскими регионами следует, с учетом исторического контекста, считать и Урал, и Поволжье, и Юг, потому что к моменту их присоединения к России они были частью Азии не только в формально-территориальном смысле (границу по Уралу стали проводить позднее), но и в смысле культурном. Различие ситуаций в том, что для западных европейцев колонизируемая не-Европа была за морем, а для русских – на сухопутном пути, более или менее длинном. Практическое значение этого различия велико. Пространственного разрыва, являющего важной предпосылкой разделения страны, между Россией и ее новыми землями, за исключением Русской Америки, которая и была утрачена в соответствии с отмеченной закономерностью, не было. Поэтому, хотя колонии и отделились от европейских стран, от России ее макрорегионы, исторически колонии, вероятно, не отделятся.

Нельзя сказать, чтобы и в физико-географическом отношении Сибирь представляла собой какой-то хорошо индивидуализированный выдел (что могло бы быть по крайней мере предпосылкой для формирования субэтнических различий). В биогеографии выделяют Евро-Сибирскую флористическую провинцию (растения с физико-географической точки зрения – и фактор, и индикатор множества признаков природной среды). Сильно отличается Дальний Восток, южная часть которого входит в другую, китайско-японскую, флористическую провинцию. Кроме того, Дальний Восток – самый океанический макрорегион России, а Сибирь – один из самых континентальных. Опять-таки, наиболее сильные разделения проходят не между Сибирью и Европой, а как-то иначе.

В Сибири действует, однако, особый фактор обособления – большая территориальная удаленность от ядра страны. Этот фактор родствен территориальному разрыву, он способствует нарушению связи между частями страны, хотя и в меньшей степени. По-видимому, именно этот фактор сделал в XVIII–XIX вв. сибирское региональное самосознание сравнительно сильным, приводящим иногда к сепаратистским тенденциям. Впрочем, даже тогда они не привели к необратимым политическим последствиям.

Дальнейшие исторические события (усиление функционирования Транссиба, столыпинские миграции

начала XX в., сдвиг индустрии на восток в довоенное время, ссылки времен коллективизации, перемещение промышленных предприятий во время Великой Отечественной войны, стройки послевоенного времени) привели к смещению демоэкономического потенциала страны в восточном направлении и ослабили обособленность Сибири. Революционные изменения в информационных технологиях, в технологиях связи и транспорта (авиация) также ослабили разобщающее действие пространственных расстояний.

Объективные, связанные с фактором пространственной разобщенности, предпосылки, благоприятствующие сибирскому сепаратизму, соответственно, ослабли.

Поражение в холодной войне, распад Советского Союза, ослабление России создали, однако, новую генерацию предпосылок сибирского сепаратизма. Внешнеполитические поражения, как показывает история, во многих случаях благоприятствуют сепаратизму. Инерция распада распространилась и на Российскую Федерацию. Но в наше время потенциал России возрастает. К тому же в 1990-е гг. были популярны идеи уменьшения значения государства как социального института, перехода части его функций на внутригосударственно-региональный уровень. Регионализм и сепаратизм – не одно и то же, но регионалистские настроения (на уровне макрорегиона) могут благоприятствовать сепаратистским настроениям. Вскоре стало ясно, что никакой «Европы регионов» (или чего-то подобного где-либо еще) не возникает, мир остается сообществом государств и межгосударственных союзов. Более того, в связи с кризисными явлениями в мировой экономике и усилением военной, разведывательной, вообще силовой проблематики в современном мире значение института государственности, особенно в сильных государствах, очевидным образом возрастает. На этом фоне не только сибирский сепаратизм, но и сибирский регионализм, понимаемый как идея создания особого субъекта РФ в территориальном объеме Сибири, выглядит устаревшим.

Нужно, впрочем, отметить одно обстоятельство, создающее некоторую угрозу усиления предпосылок, скорее, не сибирского, а дальневосточного сепаратизма и этнического сепаратизма в Восточной Сибири. Наименее развитым и наименее благополучным в социальном отношении макрорегионом Российской Федерации является Восточная Сибирь [20. С 162] (за исключением Красноярского края; Иркутская область по ряду позиций занимает промежуточное положение между Красноярским краем и остальной частью Восточной Сибири). Дальний Восток тоже является одним из отстающих макрорегионов, но его наиболее крупные и населенные регионы отстают меньше и, главное, развиваются быстрее, имеют больше внима-

ния со стороны правительства, чем большинство регионов Восточной Сибири. В России может сформироваться два развитых ареала (Западный и Дальневосточный), разделяемых оставшей частью регионов, находящихся в Восточной Сибири и континентальной части Дальнего Востока. Такая территориальная структура распределения уровней развития, помимо других очевидных недостатков, может способствовать обособлению морской части Дальнего Востока, с учетом ее вовлеченности в экономические отношения с мощными соседними государствами.

Таким образом, сибирский сепаратизм следует считать бесперспективным направлением в том смысле, что не существует достаточных объективных предпосылок, в силу которых могла бы реализоваться идея отделения Сибири от остальной России. Но некоторые предпосылки макрорегионального сепаратизма (его существования, воспроизведения) в восточной части России все же существуют, и главная из них – территориальная удаленность от демоэкономического ядра страны, усугубляемая недостаточной развитостью, сниженным социальным благополучием многих субъектов РФ, находящихся в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Выводы

1. Сибирский сепаратизм исторически устойчив и при возникновении кризисов Российской государственности приводил к серьезным политическим последствиям.

2. Необходимые, но недостаточные условия распада государства (или отделения его части) – этническое отличие населения отделяющейся части и (или) наличие пространственного разрыва (сухопутного или морского).

3. В Сибири на макрорегиональном уровне отсутствуют основные предпосылки отделения (этническое отличие большинства населения и территориальный разрыв), но имеется значительная удаленность от экономического и политического ядра государства, что является некоторым аналогом территориального разрыва.

4. Сепаратистским тенденциям в Восточной Сибири и континентальной части Дальнего Востока способствует социально-экономическое отставание этого ареала от других частей страны. Некоторые регионы данного ареала являются депрессивными.

5. Социально-экономическое отставание Восточной Сибири и континентальной части Дальнего Востока ослабляет континуальность российского пространства и способно усилить обособленческие тенденции в более развитой морской части Дальнего Востока.

Список источников

1. Сесюнина М.Г. Дело сибирского сепаратизма: историография вопроса // Политическая ссылка в Сибири, XIX – начало XX вв. Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1987. С. 39–48.
2. Горюшкин Л.М. Дело об отделении Сибири от России // Отечество : краевед. альманах. 1995. № 6. С. 66–84.
3. Вуд А. Сибирский регионализм: прошлое, настоящее, будущее? // Расы и народы. 1997. № 24. С. 203–217.
4. Watrous S. The Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture / ed. by G. Diment, Y. Slezkine. New York, 1993. P. 113–132.
5. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск : Автор, 1996. 223 с.

6. Малинов А.В. Философия и идеология областничества. СПб. : Интер-социс, 2012. 128 с.
7. Вибе П.П. Сибирское областничество // Вопросы истории Сибири XX в. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. С. 249.
8. Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепция государственной политики и областническая мысль. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 323 с.
9. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск : Типо-лит. Сиб. т-ва печатного дела, 1915. С. 110.
10. Головинов А.В. Идеология и философия областничества: к проблеме политологической идентификации // Вестник Челябинского государственного университета, 2011. № 14. С. 58–61.
11. Жадан Л.А. К вопросу об идеологии сибирского областничества (1907–1916 гг.) // Из истории общественно-политической жизни Сибири : межвуз. тем. сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 18–32.
12. Жадан Л.А. Из истории общественно-политической деятельности сибирского областничества в 1907–1917 гг. // Из истории буржуазии в России. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 126–139.
13. Перейра Н. Областничество и государственность в Сибири во время гражданской войны // Гражданская война в России: перекресток мнений. М. : Наука, 1994. С. 201–214.
14. Шиловский М.В. Сибирский представительный орган: от замыслов к трагическому финалу (январь–ноябрь 1918 г.) // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово : Кемеровский обл. ИУУ, 1995. С. 4–18.
15. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. : (впечатления и мысли члена Омского Правительства). Пекин : Изд-во Типо-лит. Русской Духовной Миссии, 1921. 332 с.
16. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы : Пер. с англ. М. : АСТ, 2013. 702 с.
17. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 555 с.
18. Головинов А.В. Идеология сибирской свободы: этнокультурные и политические идеи классиков областничества (к 170-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева). Барнаул : Изд-во ААЭП, 2012. 184 с.
19. Макиавелли Н. Малое собрание сочинений. СПб. : Азбука, 2018. 576 с.
20. Попов П.Л., Сараев В.Г. Сравнение Сибири с другими макрорегионами России по уровню развития и социального благополучия // Успехи современного естествознания. 2016. № 9. С. 160–171.

References

1. Sesyunina, M.G. (1987) Delo sibirskogo separatizma: (Istoriografiya voprosa) [The Case of Siberian Separatism: (Historiography of the Question)]. In: Goryushkin, L.M., Derevyanko, A.P., Bochanova, G.A. & Pokrovskiy, N.N. (eds) *Politicheskaya ssylka v Sibiri, XIX – nachalo XX vv.* [Political exile in Siberia, 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 39–48.
2. Goryushkin, L.M. (1995) Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii [The case of the separation of Siberia from Russia]. *Otechestvo*. 6. pp. 66–84.
3. Wood, A. (1997) Sibirskiy regionalizm: proshloe, nastoyashchee, budushchee? [Siberian regionalism: past, present, future?]. *Rasy i narody*. 24. pp. 203–217.
4. Watrous, S. (1993) The Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920. In: Diment, G. & Slezkine, Y. (eds) *Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture*. New York: Pallgrave Macmillan. pp. 113–132.
5. Akishin, M.O. (1996) *Politseyskoye gosudarstvo i sibirskoye obshchestvo. Epokha Petra Velikogo* [The police state and the Siberian society. The Epoch of Peter the Great]. Novosibirsk: Avtor.
6. Malinov, A.V. (2012) *Filosofiya i ideologiya oblastnichestva* [Philosophy and ideology of regionalism]. St. Petersburg: Inter-socis.
7. Vibe, P.P. (1993) Sibirskoye oblastничество [Siberian regionalism]. In: Shilovsky, M.V. (ed.) *Voprosy istorii Sibiri XX v.* [Issues of the History of Siberia in the Twentieth Century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
8. Kovalyashkina, E.P. (2005) “Inorodcheskiy vopros” v Sibiri: kontseptsiya gosudarstvennoy politiki i oblastnicheskaya mysl’ [The “Non-Russian Question” in Siberia: the concept of state policy and regional thought]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Potanin, G.N. (1915) *Izbrannyye stat’i i biograficheskiy ocherk* [Selected articles and a biographical essay]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela.
10. Golovinov, A.V. (2011) Ideologiya i filosofiya oblastnichestva: k probleme politologicheskoy identifikatsii [Ideology and philosophy of regionalism: to the problem of political identification]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 14. pp. 58–61.
11. Zhadan, L.A. (1981) K voprosu ob ideologii sibirskoye oblastnichestva (1907–1916 gg.) [On the ideology of Siberian regionalism (1907–1916)]. In: Bozhenko, L.I. (ed.) *Iz istorii obshchestvenno-politicheskoy zhizni Sibiri* [From the history of the socio-political life of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 18–32.
12. Zhadan, L.A. (1982) Iz istorii obshchestvenno-politicheskoy deyatel’nosti sibirskoye oblastnichestva v 1907–1917 gg. [From the history of socio-political activities of the Siberian regionalism in 1907–1917]. In: Rabinovich, G.Kh. (ed.) *Iz istorii burzhuazii v Rossii* [From the history of the bourgeoisie in Russia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 126–139.
13. Pereira, N. (1994) Oblastничество i gosudarstvennost’ v Sibiri vo vremya grazhdanskoy voyny [Regionalism and statehood in Siberia during the Civil War]. In: Polyakov, Yu.A. (ed.) *Grazhdanskaya vojna v Rossii: perekrestok mneniy* [Civil War in Russia: A Crossroads of Opinions]. Moscow: Nauka. pp. 201–214.
14. Shilovskiy, M.V. (1995) Sibirskiy predstavitel’nyy organ: ot zamyslov k tragicheskomu finalu (yanvar’–noyabr’ 1918 g.) [The Siberian representative body: from plans to the tragic finale (January – November 1918)]. In: *Sibir’ v period grazhdanskoy voyny* [Siberia during the Civil War]. Kemerovo: Kemerovo Regional Institute for the Improvement of Teachers. pp. 4–18.
15. Gins, G.K. (1921) *Sibir’, soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii 1918–1920 gg.: (vpechatleniya i mysli chlena Omskogo Pravitel’sstva)* [Siberia, allies and Kolchak. The turning point in Russian history of 1918–1920: (impressions and thoughts of a member of the Omsk Government)]. Beijing: Izd-vo Tipo-lit. Russkoy Dukhovnoy Missii.
16. Brzezinski, Z. (2013) *Velikaya shakmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [The Great Chessboard: The Reign of America and its Geostrategic Imperatives]. Translated from English. Moscow: AST.
17. Yadrintsev, N.M. (2003) *Sibir’ kak koloniya v geograficheskoy, etnograficheskoy i istoricheskoy otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
18. Golovinov, A.V. (2012) *Ideologiya sibirskoy svobody: etnokul’turnye i politicheskie idei klassikov oblastnichestva (k 170-letiyu so dnya rozhdeniya N.M. Yadrintseva)* [The ideology of Siberian freedom: the ethnocultural and political ideas of the classics of regionalism (on the 170th anniversary of the birth of N. M. Yadrintsev)]. Barnaul: AAEHP.
19. Machiavelli, N. (2018) *Maloe sobranie sochineniy* [Small Collected Works]. St. Petersburg: Azbuka.
20. Popov, P.L. & Saraev, V.G. (2016) Sravnenie Sibiri s drugimi makroregionami Rossii po urovnyu razvitiya i sotsial’nogo blagopoluchiya [Comparison of Siberia with other macro-regions of Russia in terms of development and social well-being]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*. 9. pp. 160–171.

Сведения об авторах:

Попов Петр Леонидович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории теоретической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (Иркутск, Россия). E-mail: plp@irigs.irk.ru

Черенев Алексей Анатольевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (Иркутск, Россия). E-mail: tcherenev@irigs.irk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Popov Pyotr L. – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Theoretical Geography of the V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: plp@irigs.irk.ru

Cherenev Alexey A. – Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Geo-Resource Studies and Political Geography of the V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: tcherenev@irigs.irk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2019; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 20.05.2019; accepted for publication 06.05.2022